

УДК 271+27-55

DOI: 10.24411/2224-5391-2020-10105

Г. В. Бежанидзе

ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ И РЕЦЕПЦИЯ УКАЗА 1722 г. «ОБ ОБЪЯВЛЕНИИ СВЯЩЕННИКАМ ОТКРЫТЫХ ИМ НА ИСПОВЕДИ ПРЕДНАМЕРЕННЫХ ЗЛОДЕЙСТВ»*

Аннотация. Статья посвящена изучению указа 1722 года «Об объявлении священникам открытых им на исповеди преднамеренных злодейств». Указ неоднозначно трактуется в историографии. Некоторые исследователи видят в нем нарушение церковных установлений о сохранении тайны исповеди. В статье рассматриваются причины и обстоятельства появления указа, а также примеры из дел Петровской эпохи, которые упоминаются в тексте указа. Автор показывает, что указ является более пространным изложением 11 и 12 пунктов Прибавления к Духовному регламенту. Указ был издан в виде циркулярного объявления от Святейшего Синода, которое при Петре I было разослано по епархиям, однако при императоре Петре II изъято из употребления. Сам указ имеет внутренние противоречия, и его применение с самого начала было весьма затруднено. В статье впервые приводятся примеры использования положений указа, отраженных в Прибавлении к Духовному Регламенту, в синодальной практике. Автор приходит к выводу, что к середине XIX столетия сложилась традиция толкования указа в духе церковных правил. Значительную роль в ее формировании сыграл святитель Филарет Московский. Согласно церковной интерпретации указа, священник должен докладывать о том, что он узнал на исповеди не органам политического сыска, а архиерею, который, в свою очередь, если сочтет нужным, может проинформировать государственную власть. Важно, что сведения, полученные на исповеди, не могут служить основанием для ареста или иных процессуальных действий в отношении подозреваемого, но носят информативный характер. Святейший Синод также решительно противодействовал попыткам представителей государственной власти

* Публикация подготовлена в рамках проекта «Доктрина церковно-государственных отношений и ее реализация в синодальный период истории Русской Церкви» при поддержке Фонда развития ПСТГУ.

История появления и рецепция указа 1722 г. «Об объявлении священникам...»

принудить священнослужителей к нарушению церковных установлений. Священноначалие указывало, что сохранение тайны исповеди необходимо, чтобы исповедники не утаивали свои грехи к гибели собственной души. Позиция иерархии нашла отражение в светском законодательстве, которое после судебной реформы 1864 г. строго запрещало священнослужителям свидетельствовать в суде по отношению к признанию, сделанному им на исповеди, без всяких исключений.

Ключевые слова: *Русская Православная Церковь, церковно-государственные отношения, тайна исповеди, святитель Филарет Московский, Святейший Синод.*

Цитирование. *Бежанидзе Г. В. История появления и рецепция указа 1722 г. «Об объявлении священникам открытых им на исповеди преднамеренных злодейств» // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2020. № 1 (29). С. 98–111. DOI: 10.24411/2224-5391-2020-10105*

Сведения об авторе. *Бежанидзе Георгий Вениаминович — кандидат богословия, доцент, доцент Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Россия, г. Москва). E-mail: georgy.bezhanidze@gmail.com*

Поступила в редакцию 15.11.2019

Принята к публикации 20.12.2019

Указ, которому посвящена статья, достаточно часто упоминается в научных публикациях и учебных пособиях по истории Русской Церкви синодального периода. Исследователи нередко воспринимают его как нарушение церковных установлений в угоду государственной власти и используют для доказательства тезиса о подчинении Церкви государству¹. Подобная трактовка далеко не нова: уже в XIX столетии критики синодальной системы церковно-государственных отношений утверждали: «...пока судья будет требовать от духовника, чтобы он рассказал ему тайны исповеди... до тех пор будет у нас церковное управление, но Церкви не будет»².

¹ См., напр.: *Смолич И. К. История Русской Церкви, 1700–1917. Ч. 1. М., 1997. С. 343; Федоров В. А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период (1700–1917). М., 2003. С. 152.*

² *Жемчужников В. М. Записка о настоящем положении Православной Российской Церкви // Филаретовский альманах. Вып. 1. М., 2005. С. 128; Святитель Филарет Московский в своем отзыве на записку Жемчужникова писал, что подобные высказыва-*

Такая оценка указа, перенесенная из публицистики в научные труды, (как, впрочем, и встречающееся в литературе мнение о том, что указ не нарушает тайну исповеди³), основывалась только на тексте указа.

Подобный подход, как представляется, непродуктивен. Текст указа амбивалентен и сложен для однозначных трактовок. Еще в начале XIX в. случались прецеденты, когда священнослужители, к которым указ был обращен, понимали его неверно. В жизнеописании святителя Игнатия (Брянчанинова) описывается как юный Дмитрий Брянчанинов, обучаясь в Инженерном училище, исповедался духовнику училища в том, что он «борим множеством греховных помыслов», а последний донес об этом училищному начальству⁴. Даже преемники царя-реформатора испытывали затруднения при истолковании петровского указа: «Разве никакие случаи исключений (из тайны исповеди. — Г. Б.) не существуют, например, открытие заговора, намерение к убийству и тому подобное?» — интересовался в 1827 г. император Николай I⁵.

Таким образом, только изучение обстоятельств появления и примеров практического применения указа позволит прояснить его цель и содержание, что, в свою очередь, поможет формированию более взвешенной оценки системы церковно-государственных отношений синодального периода истории Русской Церкви.

История появления знаменитого указа связана с созданием Прибавлений к Духовному регламенту. После его издания в 1721 г. в Святейшем Синоде к нему было составлено «Прибавление о правилах причта церковного и чина монашеского», которое после публикации было пущено в продажу. Петр I, случайно узнав о существовании «неапробированного» им дополнения к Регламенту, сделал выговор синодальным членам. Тогда печатный текст первого издания Прибавлений был изъят из продажи. Затем император «слушать и собственноручно исправлять

ния не соответствуют действительности: «Тайна исповеди духовенством сохраняется строго, под строгой ответственностью» (Мнение святителя Филарета (Дроздова) на записку В. М. Жемчужникова // Там же. С. 138).

³ См.: Härtel H.-J. *Byzantinische Erbe und Orthodoxie bei Feofan Prokopovič*. Würzburg, 1970. S. 115–116; *Воскресенский Н. А.* Петр Великий как законодатель. М., 2017. С. 346–347.

⁴ Полное собрание творений святителя Игнатия (Брянчанинова). М., 2007. Т. 1. С. 17.

⁵ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 797. Оп. 3. Д. 10040. Л. 1.

История появления и рецепция указа 1722 г. «Об объявлении священникам...»

изволил» написанное Синодом «Прибавление...», вторая редакция которого, исправленная в соответствии с замечаниями монарха, была опубликована 14 июня 1722 г.⁶

5-й пункт первоначального варианта Прибавлений обязывал ставленника, прежде рукоположения в иерея, давать присягу, что он не будет укрывать раскольников. К данному пункту Петр приписал: «...при вышеписанной присяге должен и в верности государю своему присягу чинить, и объявлять всякую противность; также которыя правилами велено объявлять дела, кто хотя и при исповеди скажет, но в том не кается, ставя себе за истину, как то учинил Талицкой; а отец духовный, хотя ему в том претил, однако ж его причастил Святых Таин и не объявил, чая грехом то доношение»⁷. В соответствии с данным замечанием императора впоследствии были составлены в Синоде 11 и 12 пункты окончательной редакции Прибавлений.

В 11 пункте говорилось, что если кто-либо во время исповеди объявит своему духовному отцу «некое несоделанное, но еще к делу намеренное воровство, наипаче же измену и бунт на государя» и при этом «покажет себя, что не раскаивается, но ставит себе в истину и намерение свое не отлагает», то священник не разрешает ему грехи и обязан донести о нем «кому надлежит», то есть в Преображенский приказ. Согласно 12 пункту священник был обязан в подобных случаях объявлять и о «сделанном уже народном соблазне, например, ежели кто <...> разгласит ложное чудо»⁸.

22 апреля 1722 г. император не только апробировал написанные Синодом пункты, но повелел «напечатать их особо», без задержки на подготовку к публикации всего текста Прибавлений. Вследствие сего повеления монарха Синод 30 апреля постановил: «Выписав из помянутого к духовному регламенту прибавления сочиненные на то пункты и приобщив приличные тому примеры и собрав из того рассудительное духовному и священному чину следующим образом объявление, напе-

⁶ Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 2. С. 522–523, 544–545.

⁷ Верховской П. В. Учреждение духовной коллегии и Духовный регламент: в 2-х т. Ростов-на-Дону, 1916. Т. 2. С. 84.

⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (далее ПСЗРИ-1). СПб., 1830. Т. 6. № 4022. С. 701–702.

чатать неотложно... и разослать то объявление печатными листы при указах»⁹.

Напечатанное 17 мая 1722 г. Объявление было разослано в епархии, однако оно недолго служило руководством для священнослужителей. В 1725 г. Объявление было отобрано, по причине упоминания в нем в негативном контексте царевича Алексея, отца царствующего императора Петра II¹⁰. В 1830 г. при публикации полного собрания законов Объявление, однако, вошло в корпус собрания.

Причина, побудившая императора настаивать на появлении синодального «рассуждения об объявлении злого бывшего на исповеди намерения», приводится в самом начале Объявления: «...понеже известно ныне в Синоде учинилось, что некоторые злодеи, исповедовався духовным своим отцам грехов своих, объявляют на исповеди и злодейственное свое намерение не с раскаянием... но с непременною злого того действия желанием; а отцы духовные отъявлять того никому не дерзают, вменяюще то грех быти». В качестве «приличных примеров», помимо уже упоминавшегося царем Григория Талицкого, в тексте Объявления говорилось о царевиче Алексее и некоем «злодее», объявившимся в Пензе 19 марта 1722 г.¹¹

Дело Григория Талицкого возникло на рубеже XVII и XVIII вв. в связи с написанием последним нескольких «тетрадей», в которых царь объявлялся антихристом, а Москва — Вавилоном последних времен. Талицкий планировал активно распространять свои «тетради» среди народа, для чего изготовил несколько печатных досок.

Сохранившаяся выписка из дела, представленная императрице Елизавете Петровне в 1750 г., в числе прочего передает рассказ Григория Талицкого о его исповеди духовнику, священнику Луке и показания самого духовника. Талицкий показал, что на исповеди он читал свои «те-

⁹ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 1. СПб., 1878. Стл. 740; П. В. Верховской, не приняв во внимание данный документ, ошибся, решив, что Объявление вошло в окончательную редакцию Прибавлений (см.: *Верховской П. В. Учреждение духовной коллегии...* Т. 1. С. 199–200); Упоминание об объявлении в тексте Прибавлений носит справочный характер, было добавлено незадолго до их публикации и отнюдь не свидетельствует, что Объявление было написано ранее 11 и 12 пунктов Прибавлений.

¹⁰ См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10040. Л. 14–14 об.

¹¹ ПСЗРИ-1. Т. 6. № 4012. С. 685–687.

традки» духовнику, но поп Лука «от того дела его не умал, для того-де те письма он, Гришка, и писал». Священник признался, что духовный сын поведал ему свои мысли о наступлении последних времен и спрашивал его совета «про те-де письма он, Гришка, в дому своем ему сказывал, и чол немного, и его, Луку, спрашивал, как ему быть». «Он-де, Лука, его от того унимал и говорил: времена-де и лета положил Бог своею властью, а тебе-де, Гришке, про те лета почему знать, а что-де он, Лука, в том его воровстве на него, Гришку, государю не известил и в том он перед великим государем виноват». По окончании следствия поп Лука был лишен сана и казнен¹². В тексте Объявления приводятся цитируемые выше слова императора Петра о Григории Талицком, и объясняется, что Талицкий понял действия духовника как одобрение его намерения и собирался осуществить свой преступный замысел.

Далее синодальное Объявление цитирует известное признание царевича Алексея о его исповеди протопопу Якову Игнатьеву. Священник на слова царевича «я-де желаю отцу своему смерти <...> сказал: Бог-де тебя простит, мы-де и все желаем ему смерти!»¹³

И наконец, из текста Объявления мы узнаем, что незадолго до его написания некий человек, всенародно хуливший царя, перед тем исповедовался разным священникам и «объявлял те свои злые слова отцам своим духовным». При этом некоторые иереи одобряли его действия, другие же «тем его злым словам и не согласовывались, однако же никакого ему возбранения в том не чинили, но и Святых Таин его приобщали»¹⁴.

Первый пример вполне соответствует преамбуле синодального Объявления. Действительно, поп Лука не донес на своего духовного сына, потому что считал себя связанным тайной исповеди, которой, по мнению императора, не было: Талицкий свои мысли «ставил за истину». Более того, священник допустил Талицкого до Причастия, не добившись от него раскаяния в тяжком грехе, чем только укрепил последнего в «воровском намерении». «Тетрадки» Талицкого являлись хулой на помазанника Божия, за которую, согласно Соборному уложению, полагалась смертная казнь не только хулителей, но и тех, кто не донес на

¹² *Есипов Г. В.* Раскольничьи дела XVIII столетия. Извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии: в 2 т. СПб., 1861. Т. 1. С. 68, 83.

¹³ *Пекарский П. П.* Наука и литература в России... Т. 2. С. 423.

¹⁴ ПСЗРИ-1. Т. 6. № 4012. С. 687.

них¹⁵. Соображения императора подтверждаются и словами попа Луки, который показал, что Талицкий не каялся в грехах, а спрашивал совета своего духовника.

Однако остальные исторические прецеденты дел, в которых были замешены духовники осужденных преступников, другого рода. Царевич Алексей действительно исповедовался в своем хульном помысле (и, возможно, искренне каясь в нем), а его духовник не донес на него не потому что опасался нарушить тайну исповеди, а потому что не считал сказанное грехом. Также очевидно, что синодальное Объявление никак не могло пригодиться в делах священников, которые были согласны с пермским хулителем императора.

Таким образом, уже из текста Объявления становится ясно, что прецедентов для использования «синодального рассуждения» было очень мало, а его применение на практике — весьма затруднительно. Последующие прецеденты подтверждают данный вывод.

В 1810 г. в Псковской епархии возникло дело, тянувшееся до 1817 г., в рамках которого Синоду пришлось истолковывать вышеприведенные пункты Прибавления к Духовному регламенту. Некий Протопопов на исповеди поведал своему духовнику священнику Алексею, что офицер Дмитриев составил план похищения комиссариатской казны. Дмитриев предложил Протопопову составить шайку из гулящих людей, перебить охрану, завладеть казной, а затем отравить своих сообщников. Впоследствии Протопопов обратился в полицию, и Дмитриев был арестован.

Синодальные члены признали, что объявление Протопопова есть «смешение исповеди с явкой». С одной стороны, налицо была действительная исповедь, «ибо Протопопов, если бы хотел только объявить, а не каяться духовному отцу своему, мог бы и должен бы объявить об оном злодеянии... гражданскому начальству». С другой стороны, Протопопов открыл священнику чужой грех и, по-видимому, изначально не желал примкнуть к шайке Дмитриева, ибо «в допросе упомянул и о своем несогласии на злой умысел Дмитриева, следовательно, священнику почти нечего было и разрешать властью духовною»¹⁶.

Священник Алексей показал, что он не решился донести о готовящемся злоумышлении, потому что не доверял словам своего духовного

¹⁵ Пекарский П. П. Наука и литература в России... Т. 1. С. 3–4.

¹⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10040. Л. 16 об. – 18 об.

сына и ожидал от него письменных доказательств виновности Дмитриева. Такое оправдание, конечно, не могло быть принято Синодом. Синодальные члены указали, что о. Алексей смешивает обязанности духовника с компетенцией полиции, «между тем как Протопопов отнюдь не с тем объявил ему, чтобы им, священником, донесено было где следует, ибо сам расположился донести начальству, но оставляя его в качестве свидетеля той явки, открывая только свою совесть единственно как духовному отцу»¹⁷. Таким образом, Святейший Синод признал, что даже в случае смешения исповеди и так называемой «духовной беседы» отделить одно от другого весьма затруднительно.

Но главная вина о. Алексея состояла в том, что он не обратился к своему духовному начальству за разъяснениями, как, по мнению Синода, надлежало было сделать согласно 11 пункту Прибавлений. В итоге священник Алексей был признан виновным и даже подлежащим передаче светскому суду, но, в силу амнистии по манифесту 1814 г., был освобожден «от дальнейшего суда и наказания»¹⁸.

Признавая необходимым доводить о подобных случаях до сведения правящего архиерея, синодальные члены, очевидно, имели в виду следующие слова 11 пункта Прибавлений: «...кийждо духовник да памятует, что всякому иерею рукоположивший архиерей в данной ему от себя ставленной грамате, по древнему отеческому преданию, завещает от своего лица тако: исповедавших ему своя совести вязати и решити грехи разсудно, по правилом и прочая; и по нашему Архиерейскому благословению же и повелению. Вящия же и неудоборазсудныя вины нам приносить да имать», а также указание 13 пункта Прибавлений¹⁹.

Дело священника Алексея разбиралось до того, как членом Святейшего Синода стал святитель Филарет Московский, однако не исключено, что вышеприведенное заключение было написано с его участием. Так или иначе, в письме к своему викарию, епископу Иннокентию (Сельно-Кринову) от 5 февраля 1829 г., Московский святитель указывает схожий механизм действия в случае, если священник узнал на исповеди о преступных действиях третьих лиц, например фальшивомонетчиков: «Священник пусть скажет архиерею, тут не нарушится

¹⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10040. Л. 19–19 об.

¹⁸ Там же. Л. 20–21.

¹⁹ ПСЗРИ-1. Т. 6. № 4022. С. 702.

тайна исповеди. Архиерей пусть скажет гражданскому начальнику: по дошедшим до меня сведениям, которые, однако, по церковным законам не могут поступить в судебный процесс, такой-то подозрителен в подделывании монеты, возьмите предосторожность, учредите надзор или сделайте внезапный обыск. Сим образом гражданская обязанность будет исполнена и духовная не нарушится»²⁰.

Такая интерпретация 11 пункта Прибавлений встречается и в последующей практике. В марте 1883 г. некая прихожанка на исповеди рассказала священнику Григорию Скворцову о подозрительных собраниях, которые проходят на квартире ее родственника Шестакова. По словам женщины, на этих сходках обсуждались планы похищения дочери императора и, возможно, покушения на самого царя. О. Григорий, не упоминая имени исповедницы, написал об этом своему правящему архиерею митрополиту Московскому Иоанникию, который передал письмо обер-прокурору К. П. Победоносцеву²¹.

Таким образом, можно констатировать, что в XIX в. сложилась определенная традиция интерпретации церковной властью указа «Об объявлении священникам открытых им на исповеди преднамеренных злодейств»: иерархия строго охраняла тайну исповеди. Что же касается попыток со стороны государственных деятелей иначе трактовать указ, то они встречали решительный протест со стороны Святейшего Синода.

В 1849 г. в смоленском суде рассматривалась дело дворянина Павла Долотовского, обвиняемого в убийстве. Его сообщник Львов скончался, перед смертью исповедавшись священнику. Уездный суд запросил у местной консистории разрешение допросить священника, но получил отказ от Смоленского епископа Тимофея. Но смоленский губернатор стал настаивать, полагая, что Долотовский может быть оправдан предсмертной исповедью Львова. Дело дошло до Святейшего Синода.

Святитель Филарет Московский, получив запрос губернатора от синодального обер-прокурора, дал свое заключение, которое окончательно решило вопрос. Московский митрополит указывал, что в данном случае исповедь совершилась, а в Прибавлении к Духовному регламенту

²⁰ Письма митрополита Московского Филарета к викарию Московской епархии епископу Дмитровскому Иннокентию // Прибавления к творениям святых отцов. 1872. Ч. 25, кн. 2. С. 194–195 (1-я пагинация).

²¹ К. П. Победоносцев и его корреспонденты. М.; Пг., 1923. С. 360–361.

говорится о несостоявшейся исповеди, следовательно, тайна исповеди должна быть сохранена. Иначе, писал святитель Филарет, преступники будут скрывать свои преступления от духовника, «ко вреду и погибели душ их, а суд из ложной исповеди будет выводить ложные заключения»²².

Позиция святителя Филарета ко второй половине XIX в., очевидно, разделялась и в светской юридической среде. В 1850-х гг. уже не встречается попыток понудить священников к открытию ими тайны исповеди, а после судебной реформы 1864 г. был даже изменен текст статьи о сохранении священниками тайны исповеди в Своде законов Российской империи.

В первом издании Свода законов 1832 г., которое было подготовлено комиссией под руководством М. М. Сперанского, священникам запрещалось упоминать «во свидетельство то, что духовные их дети скажут им на исповеди», исключая случаи, которые упомянуты в 11 и 12 пунктах Прибавлений к Духовному регламенту. Подобная формулировка сохранялась в изданиях 1842 и 1857 гг.²³

Однако согласно судебным уставам 1864 г. статья получила следующий вид: «Не допускаются к свидетельству... священники по отношению к признанию, сделанному им на исповеди»²⁴. Таким образом, в новой редакции статьи любое признание, сделанное на исповеди, без всяких исключений, не может служить свидетельством в суде. Как указывал авторитетный юрист второй половины XIX в. А. Ф. Кони, «священник <...> отпустивший грехи, не может уже являться обличителем пред судом земным. Здесь возможность раскрытия преступного дела и установления вины приносится в жертву необходимости сохранить высокое и просветляющее значение исповеди. И закон тысячу раз прав, не допуская искажения таинства покаяния обращением его во временное и случайное орудие исследования преступления! Прав он и в том, что проводит свое запрещение допрашивать священника о тайне исповеди последовательно и неуклонно, не соблазняясь возможностью лукаво предоставить ему лишь отказываться отвечать на такой допрос»²⁵. Фор-

²² Мнения, отзывы и письма Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по разным вопросам за 1821–1867 гг. М., 1905. С. 148–149.

²³ Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 15: Законы уголовные. Кн. 2: Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках. Ст. 245. С. 46.

²⁴ ПСЗРИ-2. СПб., 1867. Т. 39. Отд. 2. № 41476. Ст. 704. С. 264.

²⁵ Кони А. Ф. Собрание сочинений. М., 1967. Т. 4. С. 53–54.

мулировка из Судебных уставов 1864 г. вошла во все последующие издания Свода законов²⁶.

Подводя итоги настоящей статьи, можно констатировать, что синодальный указ «об объявлении священникам открытых им на исповеди преднамеренных злодейств» стал очередным «мертворожденным младенцем» Петровской эпохи. Примеры практического применения указа 1722 г. показывают, что Святейший Синод истолковывал его в церковном духе. Особое значение имела позиция святителя Филарета, авторитет которого повлиял на интерпретацию текста указа. Согласно мнению иерархии, священник не может докладывать государственным органам политического сыска о том, что он узнал на исповеди. Таким образом, тайна исповеди строго сохранялась церковной властью. Позиция, занятая священноначалием, нашла свое отражение и в светском законодательстве, которое во второй половине XIX в. претерпело существенные изменения. Священнослужителям прямо запрещалось открывать в судебном порядке то, что им было сказано на исповеди, без каких-либо исключений.

Источники

1. *Есипов Г. В.* Раскольничьи дела XVIII столетия. Т. 2. СПб., 1861.
2. *Жемчужников В. М.* Записка о настоящем положении Православной Российской Церкви // Филаретовский альманах. Вып. 1. М.: ПСТГУ, 2005. С. 128–137.
3. Мнение святителя Филарета (Дроздова) на записку В. М. Жемчужникова // Филаретовский альманах. Вып. 1. М., 2005. С. 138–143.
4. Мнения, отзывы и письма Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по разным вопросам за 1821–1867 гг. М., 1905.
5. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1878. Т. 1.
6. Письма митрополита Московского Филарета к викарию Московской епархии епископу Дмитровскому Иннокентию // Прибавления к творениям святых отцов. 1872. Ч. 25, кн. 2. С. 167–212.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (ПСЗРИ-1). СПб., 1830. Т. 1, 6.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 (ПСЗРИ-2). СПб., 1867. Т. 39.
9. Полное собрание творений святителя Игнатия (Брянчанинова). М., 2007.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 3. Д. 10040.

²⁶ Свод законов Российской империи. СПб., 1892. Т. 16. Ч. 1, кн. 2. Ст. 704. С. 96.

История появления и рецепция указа 1722 г. «Об объявлении священникам...»

11. Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 15.
12. Свод законов Российской империи. СПб., 1892. Т. 16, ч. 1.

Литература

1. *Верховской П. В.* Учреждение духовной коллегии и Духовный регламент: в 2 т. Ростов-на-Дону, 1916.
2. *Воскресенский Н. А.* Петр Великий как законодатель. М., 2017.
3. К. П. Победоносцев и его корреспонденты. М., 1923. Т. 1.
4. *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862.
5. *Смолич И. К.* История Русской Церкви, 1700–1917. М., 1997. Ч. 1.
6. *Федоров В. А.* Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период (1700–1917). М., 2003.
7. *Härtel H.-J.* Byzantinische Erbe und Orthodoxie bei Feofan Prokopovič. Würzburg, 1970.
8. *Кони А. Ф.* Собрание сочинений. Т. 4. М., 1967.

Georgy V. Bezhanidze

THE HISTORY OF EMERGENCE AND PERCEPTION OF THE DECREE OF 1722 “ON THE REVEALING BY PRIESTS INTENTIONAL CRIMES CONFESSED TO THEM”

Abstract. The article is devoted to studying the decree of 1722 entitled “On the Revealing by Priests Intentional Crimes Confessed to Them”. It has been ambiguously interpreted in historiography. Some scholars see in the decree a violation of church regulations to maintain the confidentiality of a confession. The article discusses causes and circumstances of the decree emergence and examples of cases of the Petrine era, which are mentioned in the text of the decree. The author shows that the decree is a more extensive statement of paragraphs 11 and 12 of the Appendix to the Spiritual Regulations. The decree had been issued in the form of a circular announcement from the Holy Synod, which under Peter I was sent to the dioceses, but under the emperor Peter II withdrawn from use. The decree had some internal contradictions, and its implementation turned to be difficult from the very beginning. It is for the first time, that some examples of using in the synodal practice the decree clauses of the Appendix to the Spiritual Regulation are provided in an article. The author concludes the tradition of interpreting the decree in the spirit of church rules had been developed by the middle of the 19th century. St. Philaret of Moscow played a significant role in its formation. According to the clergy’s understanding of the decree, a priest was supposed to report on what he learned during a confession, not to the bodies of political investigation, but to the bishop, who could then inform the state authorities if necessary.

It was important that the information obtained in a confession could be taken into consideration only and not served as a basis for arrest or other procedural actions in relation to

the suspect. The Holy Synod was also resolutely opposed to any attempts of state authorities to force clergymen to violate the church regulations. The hierarchy indicated that the secrecy of a confession was necessary so that the confessors would not hide their sins which posed a threat to their souls. The hierarchy's position was reflected in the secular legislation, which after the judicial reform of 1864 strictly forbade priests to testify in court about recognition of confessors, without any exceptions.

Keywords: *Russian Orthodox Church, church-state relations, the confidentiality of confession, St. Philaret of Moscow, Holy Synod.*

Citation. Bezhanidze G. V. *Istoriia poiavleniia i retsepsiia ukaza 1722 g. «Ob ob”iavlenii sviashchennikam otkrytykh im na ispovedi prednamerennykh zlodeistv»* [The History of Emergence and Perception of the Decree of 1722 “On the Revealing by Priests Intentional Crimes Confessed to Them”]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii — Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2020, no. 29, pp. 98–111. DOI: 10.24411/2224-5391-2020-10105

About the author. Bezhanidze Georgy Veniaminovich — PhD (Theology), Assistant Professor of the St. Tikhon's Orthodox University (Russia, Moscow). *E-mail:* georgy.bezhanidze@gmail.com

Acknowledgements. The publication was prepared within the framework of the project “Doctrine of Church-state relations and its implementation in the Synodal period of the history of the Russian Church” with the support of the St. Tikhon's Orthodox Humanitarian University Development Fund.

Submitted on 15 November, 2019

Accepted on 20 December 2019

References

1. Esipov G. V. *Raskol'nic'i dela XVIII stoletii* [The Schismatic Affairs of the 18th Century]. Saint Petersburg, 1861, vol. 2.
2. Fedorov V. A. *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' i gosudarstvo. Sinodal'nyi period (1700–1917)* [Russian Orthodox Church and the State. Synodal period (1700–1917)]. Moscow, 2003.
3. Härtel H.-J. *Byzantinische Erbe und Orthodoxie bei Feofan Prokopovič*. Würzburg, 1970.
4. Koni A. F. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Moscow, 1964, vol. 4.
5. *K. P. Pobedonostsev i ego korrespondenty* [K. P. Pobedonostsev and His Correspondents]. Moscow, 1923.
6. *Mnenie sviatitelja Filareta (Drozdova) na zapisku V. M. Zhemchuzhnikova* [Opinion of St. Philaret (Drozdov) on a Note by V. M. Zhemchuzhnikov]. *Filaretovskii al'manakh — Philaret's Almanac*, 2004, no. 1, pp. 138–143.
7. *Mneniia, otzvyvy i pisma Filareta, mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo, po raznym vo-prosam za 1821–1867 gg.* [Opinions, Reviews and Letters of Philaret, Metropolitan of Moscow and Kolomensky, on Various Issues for 1821–1867]. Moscow, 1905.
8. *Opisanie dokumentov i del, khраниashchikhsia v arkhive Sviateishego Pravitel'stviuiushchego Sinoda* [Description of the Documents and Cases Kept in the Archive of the Most Holy Governing Synod]. Saint Petersburg, 1878, vol. 1.

История появления и рецепция указа 1722 г. «Об объявлении священникам...»

9. Pekarskii P. P. *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom* [Science and Literature in Russia under Peter the Great]. Saint Petersburg, 1862, vol. 2.
10. *Pis'ma mitropolita Moskovskogo Filareta k vikariiu Moskovskoi eparkhii episkopu Dmitrovskomu Innokentiiu* [Letters from Metropolitan of Moscow Philaret to Bishop Innocent of Dmitrov, Vicar of the Moscow Diocese]. *Pribavleniia k tvoreniiam sviatykh ottsov — Additions to the Works of the Holy Fathers*, 1872, part 2, book 2, pp. 167–212.
11. Smolitsch I. *Istoriia Russkoi Tserkvi, 1700–1917* [History of the Russian Church, 1700–1917]. Part 1. Moscow, 1997.
12. Verkhovskoi P. V. *Uchrezhdenie dukhovnoi kollegii i Dukhovnyi reglament* [The Establishment of Spiritual-Religious Collegium and the Church Regulation]. In 2 vols. Rostov-on-Don, 1916.
13. Voskresenskii N. A. *Petr Velikii kak zakonodatel'* [Peter the Great as a Legislator]. Moscow, 2017.
14. Zhemchuzhnikov V. M. Zapiska o nastoiashchem polozhenii Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi [A Note on the Current Situation of the Orthodox Russian Church]. *Filaretovskii al'manakh — Philaret's Almanac*, 2004, no. 1, pp. 128–137.